

УДК 343.119

DOI: 10.17223/22253513/36/8

М.К. Свиридов

ОТРАСЛЕВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ СУДЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ИСПОЛНЕНИЮ ПРИГОВОРА

Анализируются уголовно-процессуальное законодательство, суждения ученых относительно отраслевой принадлежности судебной деятельности по исполнению приговора. Анализ приводит к выводу о том, что для успешного разрешения вопросов исполнения приговора никакой другой метод, кроме уголовно-процессуального, не подходит, так как в результате такой деятельности суд изменяет основной акт правосудия – приговор. Данный вывод убеждает в том, что деятельность суда по исполнению приговора следует оставить в уголовном процессе в качестве его заключительной стадии. Ключевые слова: судебная деятельность, исполнение приговора, метод правового регулирования, уголовно-процессуальный метод.

Окончательное решение по уголовному делу принимает суд, он выносит приговор. Фактическая же реализация предписаний приговора является предметом деятельности специально созданных органов, которые должны строго соблюдать рамки приговора. Бывает так, что вынесением приговора и, если необходимо, исправлением его ошибок уголовный процесс заканчивается. Однако чаще всего после вынесения приговора суд осуществляет – в одних случаях значительную, в других небольшую – судебную деятельность, направленную на успешное исполнение приговора. Эта деятельность продолжает уголовный процесс, являясь его составной структурной частью – стадией исполнения приговора. Такая ситуация существовала с давнего времени: она была закреплена в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 941–975), в УПК РСФСР 1960 г. (разд. XIV). С начала 1990-х по 2000-е гг., в годы кардинальных реформ всего законодательства, в том числе и уголовно-процессуального, изменилась большая часть уголовно-процессуального закона, при этом анализируемая стадия осталась таковой (разд. 14 с названием «Исполнение приговора»).

В последние годы в литературе появились мнения о необходимости изменить существующее положение. Как пишет В.В. Никулюк, «в уголовно-процессуальной теории постепенно сформировалось научное направление, в рамках которого аргументируется и формируется следующая позиция: исполнение приговора не может являться стадией уголовного процесса» [1. С. 19]. И В.В. Никулюк не одинок. Появились авторы, которые высказывают другие мнения о сущности и месте исполнения приговора, а именно как о части деятельности суда.

Все мнения о сущности и месте судебной деятельности по исполнению приговора можно сгруппировать следующим образом.

1. Существующее положение должно остаться неизменным. Так полагает Л.В. Головкин [2. С. 1199]. Это мнение поддерживают И.Д. Перлов [3. С. 13], В.Н. Бибило [4. С. 53–55].

2. Судебная деятельность по исполнению приговора – не стадия уголовного процесса, а его дополнительное производство. Такого мнения придерживались Т.Н. Добровольская [5. С. 25–27], Ю.К. Якимович [6. С. 60–64], ныне его высказывает О.В. Воронин [7. С. 42–43]. Как видно, адепты второго мнения полностью отрицают первое, считая его неправильным в определении места исполнения приговора в системе уголовного процесса.

3. Высказано оригинальное суждение о том, что деятельность суда по исполнению приговора является не уголовно-процессуальным, а уголовно-исполнительным производством. Автор этого суждения – В.В. Никулин. По этому поводу он пишет: «Данный термин нами был введен в научный оборот в 1989 г., им стали оперировать другие ученые, и сегодня его можно считать относительно устоявшимся» [1. С. 35].

Таким образом, вместо существовавшего длительное время в качестве единственного сегодня сформировалось несколько мнений о сущности и месте судебной деятельности по исполнению приговора. Такое обилие мнений побуждает определить, какое из них близко к истинному, и требуется ли в связи с изменением теоретических положений изменить закон. Для этого необходим анализ каждого мнения.

Представляется, что нет особой необходимости специально анализировать аргументы, обосновывающие первое мнение – о том, что исполнение приговора является полноправной стадией уголовного процесса. Его недостатки, если таковые имеются, будут обнаружены в ходе анализа других точек зрения. Здесь достаточно указать на ряд особенностей стадии исполнения приговора как части уголовного-процесса (его стадии), наличие которых дает основания некоторым авторам выводить стадию исполнения приговора из системы уголовного процесса. Так, после вступления приговора в законную силу основное место занимает деятельность специально организованных органов по фактической реализации приговора. Судебная исполнительная деятельность по некоторым делам вообще не осуществляется. По другим делам она осуществляется, но, в отличие от других судебных стадий уголовного процесса, носит не постоянный, а эпизодический характер, когда в ходе реализации приговора возникает потребность применить какую-либо норму уголовного права. Далее, в отличие от предыдущих стадий уголовного процесса, на этапе исполнения приговора не решаются все вопросы уголовного дела: здесь недопустимо касаться вопросов о преступлении и виновности.

Несмотря на наличие у исполнения приговора таких серьезных особенностей, Л.В. Головкин, как думается, прав, считая исполнение приговора полноценной стадией уголовного процесса (его заключением). Он пишет: «...сегодня уже можно с уверенностью утверждать, что исполнение приговора заняло устойчивое место в структуре уголовного процесса, став его

полноценной стадией, пусть и обладающей существенными особенностями» [2. С. 1201]. И для такого вывода имеются веские основания.

Ранее было отмечено, что исполнение приговора как стадия уголовного процесса существует уже более ста лет, в целом успешно выполняя стоящие перед ней задачи. Конечно, сам по себе это недостаточно весомый аргумент для того, чтобы и далее оставлять анализируемую стадию без изменений ее сущности и отраслевой принадлежности. Однако его нельзя не учитывать как дополнительный аргумент наряду с основными, которые имеются и будут изложены при анализе других мнений.

Наиболее существенной по содержанию является вторая группа мнений авторов, предлагающих вывести исполнение приговора из числа стадий уголовного процесса (т.е. из его основного ствола) и перевести в разряд дополнительных производств уголовного процесса (авторы такой позиции указаны выше). Здесь речь идет не только о форме стадии исполнения приговора, но и о ее содержании (система стадий – или основной ствол уголовного процесса, или дополнительное производство). Дополнительные производства хотя и остаются в рамках уголовного процесса, все же несколько отличаются по содержанию. Поэтому требуется тщательный анализ аргументов, которые используют авторы для обоснования своей позиции. Тем более такой анализ необходим, поскольку он позволяет более четко определить, верна ли первая точка зрения и необходимо ли оставлять исполнение приговора в качестве стадии уголовного процесса.

Основным аргументом для обоснования второго мнения служит суждение об особенностях предмета судебной исполнительской деятельности – здесь не рассматривается вопрос о преступлении. С учетом этого Ю.К. Якимович писал, что разрешение вопросов приговора судом – «не продолжение деятельности по уголовному делу, а совсем иная деятельность по иному делу» [6. С. 60–64]. Какая это иная деятельность, откуда она появилась, автор не разъяснил.

Представляется, что здесь допускается большая неточность в изложении законодательства. Пункт 29 ст. 5 УПК РФ в качестве предмета приговора предусматривает вопросы виновности и наказания, без их решения приговор будет неполным. Пункты 5 и 7 ст. 299 УПК РФ определяют предмет уголовного дела – это вопросы о преступлении, виновности и наказании. Как видно, вопрос о наказании закон включает и в предмет приговора, и в предмет всего уголовного дела. Поэтому следует признать, что в судебной исполнительской деятельности имеется (хотя и не в полном объеме) предмет всего уголовного дела. Значит, основной аргумент, обосновывающий перевод судебной исполнительской деятельности из основного производства уголовного процесса в дополнительное, вряд ли является бесспорно убедительным.

Но главное, что дает основание опровергать второе мнение, в ином. В приведенном выше суждении Ю.К. Якимович отмечал, что разрешаемые судом вопросы исполнения приговора не являются продолжением ранее рассмотренного судом уголовного дела, они являются иной деятельностью

по иному делу. Значительный интерес представляет выяснение – откуда берутся такие «особые» дела и каков их характер.

Представляется, что можно утверждать обратное. Вступлением приговора в законную силу производство по уголовному делу не завершается, а продолжается. Деятельность суда по исполнению приговора, выносимые решения «привязаны» к конкретному ранее рассмотренному делу, вытекают из него. Иной основы у них нет. Часто бывает, что это допущенные судьей ошибки в написании фамилии, имени, отчества осужденного, неправильное определение судьбы вещественных доказательств, другие ошибки приговора, которые суд уже в стадии исполнения приговора должен исправить. Далее – что весьма важно – любое исправление, произведенное судом после вступления приговора в законную силу, изменяет приговор (в противном случае будут действовать два приговора с имеющимися разночтениями, чего допустить нельзя).

Еще более наглядно видно изменение приговора при замене наказания осужденному во время его отбывания либо при условно-досрочном освобождении, когда изменяется судьба осужденного. Если суд в порядке исполнения приговора принимает одно из таких решений, то оно, вступая в силу, лишает силы предыдущее решение, поскольку не может быть два имеющих силу решения суда – это противоречило бы закрепленной ст. 392 УПК РФ общеобязательности имеющих законную силу судебных решений (пришлось бы исполнять два противоречивых судебных решения, что невозможно). Следовательно, принимая в порядке исполнения приговора решение об изменении осужденному наказания, суд изменяет ранее вынесенный приговор.

Об изменении приговора при замене наказания либо освобождении от него в стадии исполнения приговора свидетельствует и следующее обстоятельство. О.В. Воронин правильно пишет, подтверждая ранее высказанное в литературе суждение, что «по своей правовой природе УДО представляет собой изменение ранее установленного приговором суда уголовного правоотношения вследствие появления новых обстоятельств, свидетельствующих о том, что для своего дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбытии наказания» [7. С. 41]. Изменение установленных приговором уголовно-правовых отношений происходит не только при УДО, но и при любом изменении определенного приговором наказания. Действительно, уголовно-правовое отношение является содержанием приговора, и, изменяя его, мы тем самым изменяем и приговор, поскольку речь об одном уголовном правоотношении, о том, которое существовало в момент вынесения приговора. Оно через какое-то время может потребовать корректировки. Необходимость такой корректировки (его изменения) объясняется наличием в уголовном праве не абсолютно, а относительно определенных санкций. Это понимали известные теоретики уголовного процесса много лет назад. Еще в 1899 г. И.Я. Фойницкий писал: «Дело в том, что суд, постановляя приговор, может наблюдать подсудимого лишь в короткий период судебного разбора; многое из его личной характери-

ки может остаться закрытым для него, что обнаруживается лишь в будущем, при исполнении приговора. Да и само исполнение наказания может произвести в наказываемом изменения, ввиду которых продолжать держаться буквы приговора значило бы приносить внутреннюю правду в жертву правде формальной... Под влиянием всех этих причин современное наказание, и особенно господствующий его вид, лишение свободы, требует расширения, *изменения приговора* (курсив мой. – М.С.)» [8. С. 568–569]. Л.В. Головкин удачно называет такое изменение приговора дальнейшей индивидуализацией наказания [2. С. 1199].

Все изложенное, как думается, дает основание признать, что приговор (в части наказания) в дальнейшем в ходе его исполнения может быть изменен. Этот вывод имеет принципиально важное значение. Из него вытекает, что судебная деятельность по разрешенному судом уголовному делу не прекращается, а продолжается в виде тех изменений, которые осуществляет суд в судебной исполнительской деятельности. Причем – и это важно – изменение приговора в порядке его исполнения осуществляется в той же сфере, что и вынесение приговора.

Вряд ли правильно будет считать, что приговор выносится в основном производстве, а его изменение (дальнейшая индивидуализация наказания) – в иной сфере – в дополнительном производстве. Отрывать приговор и его изменение нельзя; решение об изменении, оставляя неизменными и имеющими силу части приговора о преступлении и виновности, заменяет собой имеющееся в приговоре решение о наказании, становится частью приговора (например, при замене одного вида наказания другим).

Поэтому судебную деятельность по изменению приговора в ходе его исполнения надлежит считать продолжением правосудия по основному уголовному делу (но никак не иным уголовным делом, по мнению Ю.К. Якимовича), необходимым для того, чтобы приговор в части наказания соответствовал не только моменту его вынесения, но обстоятельствам, возникающим позже. Здесь судебная деятельность осуществляется в отношении одного и того же субъекта; одно уголовное правоотношение заменяется другим в рамках одного уголовного дела. Исходя из всего сказанного, такую деятельность следует признать не дополнительным производством, а завершающей стадией уголовного процесса.

При этом трудно не признать, что судебная деятельность по исполнению приговора имеет все признаки стадии: у нее свои относительно самостоятельные задачи, вытекающие из уголовного дела и связанные с предыдущей стадией уголовного процесса (разрешать сомнения и неясности, откорректировать приговор, если в нем есть несущественная ошибка, осуществлять постоянную корректировку решения приговора о наказании в связи с изменяющимися обстоятельствами жизни и т.п.); она имеет своих субъектов; в этой деятельности имеется уголовно-процессуальное доказывание; в результате такой деятельности выносится окончательное решение. Правда, в этой стадии есть вопросы, не имеющие исполнительской направленности. В порядке ст. 399 УПК РФ как сомнения и неясности разреша-

ются требования реабилитированного о возмещении ущерба и даже такой вопрос, как оплата труда участвующего в деле защитника и т.п. Наличие в стадии исполнения приговора указанных вопросов размывает предмет стадии исполнения приговора и способно привести к нечеткости метода правового регулирования, что, в свою очередь, может создать трудности для судей, определяющих инструментарий для осуществления деятельности по исполнению приговора. Поэтому вопросы, не имеющие исполнительской направленности, целесообразно исключить из стадии исполнения приговора, создав для их разрешения специальное самостоятельное производство.

Таким образом, весьма уязвимым представляется и второе мнение – о том, что судебная исполнительная деятельность является не основным, а дополнительным производством.

Как отмечалось выше, существует и третье мнение о сущности и месте судебной исполнительной деятельности: такая деятельность является уголовно-исполнительным производством. Автором данного мнения выступил В.В. Николюк. Свою позицию он обосновывает следующим образом *«Действительно, имея свой предмет, цель и процессуальную форму, близко примыкая к деятельности органов, исполняющих наказания, судебное производство, связанное с исполнением приговора, обладает такими специфическими чертами, которые позволяют отграничить его от уголовного судопроизводства, т.е. производства по уголовному делу, и рассматривать в качестве самостоятельного вида судебной деятельности – уголовно-исполнительного судопроизводства»* [1. С. 20] (курсив мой. – М.С.).

Согласиться с мнением В.В. Николюка вряд ли возможно. Во-первых, как представляется, В.В. Николюк преувеличивает особенности уголовно-процессуальной судебной исполнительной деятельности. Действительно, такая деятельность имеет свою цель; однако она не имеет абсолютно самостоятельного характера, вытекает из задач уголовного процесса и связана с задачей предыдущей стадии, она не оторвана от задач уголовного процесса. Далее, предмет судебной-исполнительной деятельности, как отмечалось ниже, также не оторван от предмета уголовного дела, а является развитием части предмета судебного разбирательства – о наказании. И процессуальная форма не является «своей», присущей только судебной-исполнительной деятельности.

Автор не раскрывает содержание предлагаемого уголовно-исполнительного производства. А оно должно быть отличным от исполнения приговора как стадии уголовного процесса, поскольку автор предлагает отграничить его от производства по уголовному делу (т.е. от уголовного процесса), наделяя его самостоятельностью. В связи с этим возникает целый ряд вопросов, прежде всего: какой должна быть процессуальная форма самостоятельного уголовно-исполнительного производства? какой метод правового регулирования должен при меняться в таком производстве?

В настоящее время деятельность по реализации наказания регулируется уголовно-исполнительным (основной объем) и уголовно-процессуальным

законодательством (эпизодически, при возникновении потребности применить норму уголовного права). Соответственно этим отраслям применяются и методы регулирования деятельности. В предлагаемом названии самостоятельного уголовно-исполнительного производства слова «уголовный процесс» исключены. Следовательно, остается одна регулирующая фактическую реализацию наказания отрасль права – уголовно-исполнительное право – и один присущий данной отрасли метод.

Но у анализируемых отраслей права слишком разные методы регулирования. Ранее отмечалось, что в сфере фактической реализации приговора суд присутствует, когда возникает необходимость применять норму уголовного права. Передавать этот метод фактически исполняющим наказания органам нельзя. Только суд правомочен применять нормы уголовного права, в какой бы сфере это ни происходило, – данное положение общеизвестно. Значит, исключить уголовный процесс из содержания и даже из названия любого производства, где возможно применение норм уголовного права, как думается, нельзя. Поэтому предлагаемое В.В. Николюком производство не может быть самостоятельным, отграниченным от уголовного судопроизводства (т.е. от производства по уголовному делу). В производстве по реализации наказания уголовный процесс должен присутствовать всегда, так как только в этой сфере возможно применение норм уголовного права.

Предлагаемое В.В. Николюком новое самостоятельное судопроизводство возможно было бы для реализации в законе, если бы в России существовали отдельные суды по исполнению приговора (пенитенциарные суды). Однако, насколько известно, создания таких судов у нас не планируется. Как думается, и третье мнение о сущности и месте судебной исполнительской деятельности вряд ли выдерживает критику.

Таким образом, анализ всех имеющихся в настоящее время мнений о сущности и месте судебно-исполнительной деятельности, как представляется, убеждает в том, что вряд ли есть необходимость отказываться от существующего много лет положения: судебно-исполнительная деятельность является уголовно-процессуальной и входит в систему уголовного процесса как его завершающая стадия.

Литература

1. Николюк В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения. Орёл : ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. 235 с.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1277 с.
3. Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1963. 225 с.
4. Бибило В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск : Университетское, 1986. 160 с.
5. Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М. : Юрид. лит., 1979. 182 с.

6. Якимович Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 166 с.

7. Воронин О.В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 204 с.

8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Тип. Стасюлевича, 1899. Т. 2. 607. с.

Sviridov Mikhail K., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

BRANCH AFFILIATION OF THE RULES GOVERNING JUDICIAL ACTIVITY ON THE EXECUTION OF SENTENCES

Keywords: judicial activity, execution of sentence, method of legal regulation, criminal procedure method.

DOI: 10.17223/22253513/36/8

Depending on the legal scope of the execution of the sentence, the court applies some methods of legal influence on the subjects. For a long time, being a stage of criminal procedure, the court applied the criminal procedural method. Recently, however, there have been different opinions about the branch affiliation of judicial activities. There is a need to analyze these views to determine which one is more correct and whether legislative changes are necessary.

The view on the judicial activity as a non-basic criminal-procedural activity, but as on an additional procedure, is probably not correct. This viewpoint is motivated because the subject of the analyzed activity differs from the subject of the criminal case - the issue of the crime is not considered here. However, the subject of the criminal case is not an isolated one; according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, it includes the issues about guilt and punishment. Thus, the judicial activity includes, though not in full, the subject of a criminal case. The question of punishment, whether to change it or release from it, depends on the changing situation and the identity of the convict. It is necessary to decide this question, but only the court can do it. Any change in the sentence is done because of the application of criminal law. Only one body, the court, is entitled to apply the rules of criminal law using a criminal procedure method of regulation. Consequently, judicial activity extends the criminal case in terms of punishment. The proposal to consider the judicial activity to be criminal procedure is also hardly acceptable. Criminal proceedings use unique methods, and it is unacceptable to allow the sentences to be changed in these proceedings using criminal law.

Thus, new opinions about judicial activities have serious defects, so it is hardly necessary to change the law on their basis.

References

1. Nikolyuk, V.V. (2015) *Zaklyuchenie pod strazhu osuzhdenного, skryvshegosya v tselyakh ukлонeniya ot otbyvaniya nakazaniya: doktrina, zakonodatel'naya konstruktsiya, tolkovanie i problemy prakticheskogo primeneniya* [Detention of a convicted person hiding to evade a sentence: doctrine, legislative structure, interpretation and problems of practical application]. Orel: Orel Law Institute.

2. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugolovnogo protsessa* [Criminal Process]. Moscow: Staut.

3. Perlov, I.D. (1963) *Ispolnenie prigovora v sovetskom ugolovnom protsesse* [Execution of sentences in the Soviet criminal process]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

4. Bibilo, V.N. (1986) *Konstitutsionnye printsipy pravosudiya i ikh realizatsiya v stadii ispolneniya prigovora* [Constitutional principles of justice and their implementation in the execution stage]. Minsk: Universitetskoe.

5. Dobrovol'skaya, T.N. (1979) *Deyatel'nost' suda, svyazannaya s ispolneniem prigovorov* [Court activities related to the execution of sentences]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

6. Yakimovich, Yu.K. (2015) *Ponyatie, naznachenie, differentsiatsiya ugovnogo protessa. Printsipy ugovnogo sudoproizvodstva* [The concept, purpose, differentiation of the criminal process. The principles of criminal justice]. Tomsk: Tomsk State University.

7. Voronin, O.V. (2004) *Proizvodstvo po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannykh s uslovno-dosrochnym osvobozhdeniem* [Proceedings for consideration and resolution of issues related to parole]. Tomsk: NTL.

8. Foynitsky, I.Ya. (1899) *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Proceedings]. Vol. 2. St. Petersburg: M. Stasyulevich.